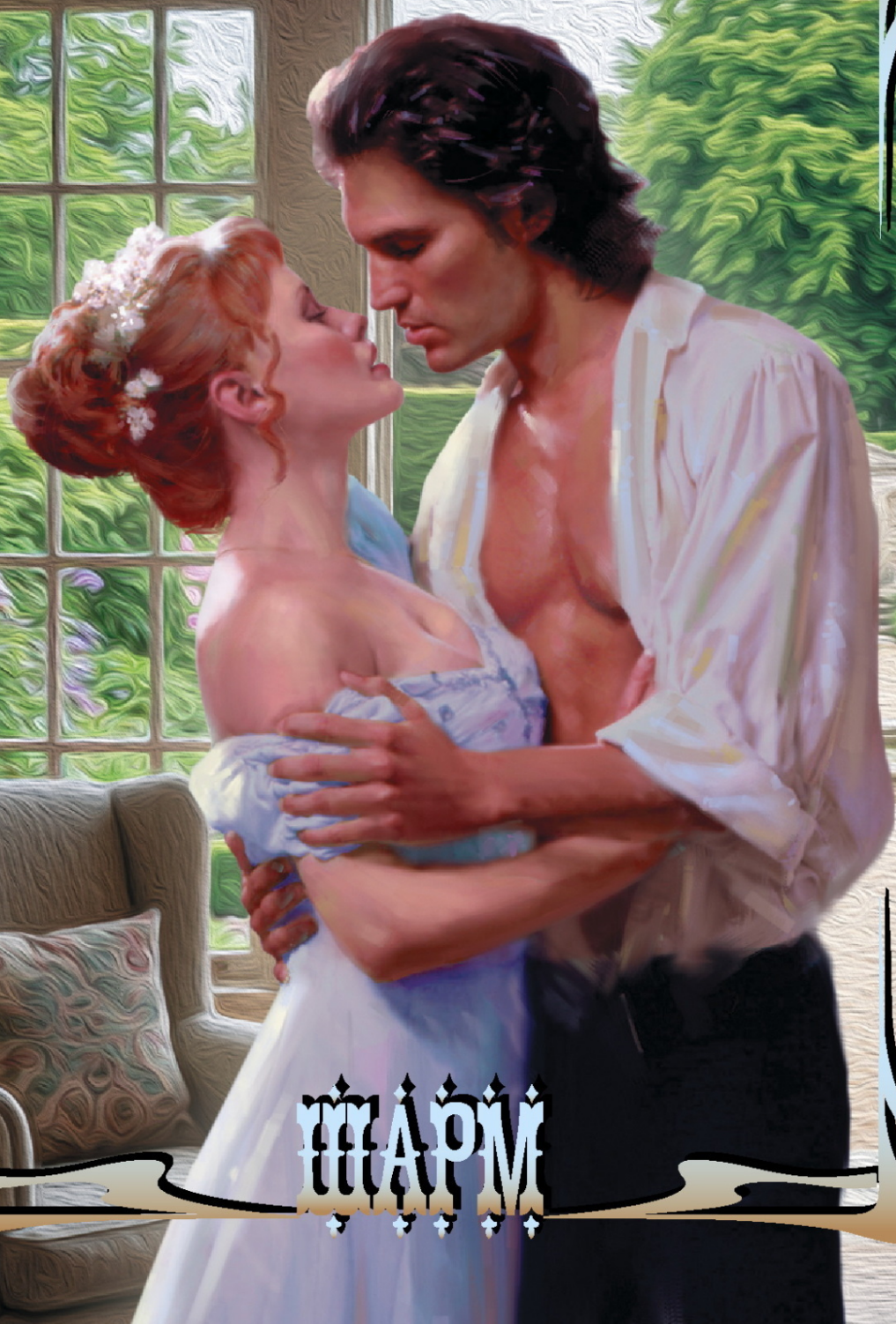

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

НОЧЬ ЛЮБВИ

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Кэролайн Линден

Ночь любви

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Линден К.

Ночь любви / К. Линден — «Издательство АСТ», 2014 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-173735-1

Леди Франческа Гордон намерена вырвать маленькую племянницу из рук равнодушной мачехи и получить опеку над девочкой. Однако для этого нужен лучший адвокат Лондона, а того уже перекупил богатый герцог, обремененный тяжбой о наследстве... В отчаянии Франческа стремится отстоять справедливость в особняке герцога и неожиданно сталкивается с его братом, притягательным Эдвардом де Лейси. Эдвард предлагает разгневанной красавице деловой союз, но постепенно их партнерство перерастает в сильное, непреодолимое чувство... Ранее роман издавался под названием «Волшебство любви».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-173735-1

© Линден К., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кэролайн Линден

Ночь любви

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Caroline Linden
ONE NIGHT IN LONDON

Перевод с английского *Я. Е. Царьковой*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Издательство
АСТ

© P.F. Belsley, 2014

© Перевод. Я. Е. Царькова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Глава 1

Герцог Дарем умирал.

Об этом не говорили прямо, но все понимали, что конец близок. Стараясь производить как можно меньше шума при выполнении отдаваемых шепотом указаний, слуги готовили дом к трауру. Нотариуса уже поставили в известность и ждали его прибытия. В срочном порядке были разосланы письма сыновьям герцога – одному в Дувр, в распоряжение расквартированного там полка, другому в Лондон, с призывом как можно быстрее приехать домой. Дарем и сам знал, что смерть его близка, и вплоть до внезапного сердечного приступа, который случился накануне вечером, он лично отдавал распоряжения, касающиеся церемонии погребения.

Эдвард де Лейси стоял возле постели умирающего отца. Скрюченный подагрой герцог полулежал, опираясь на подушки. Он дышал с трудом и был без сознания. Врач считал, что надежды на выздоровление нет и что с каждой минутой старику будет становиться только хуже. Уход из жизни отца не мог оставить Эдварда беспечальным, но утешением мог служить тот факт, что отец его прожил долгую, насыщенную событиями жизнь и умирал своей смертью.

Дарем очнулся.

– Чарлз? – слабым голосом позвал он. – Это ты?

Эдвард шагнул ближе.

– Нет, сэр, – тихо сказал он. – Чарлз еще не приехал.

– Я должен... поговорить... с Чарлзом, – задыхаясь, проговорил отец. – Должен... – Он поднял руку и немеющими пальцами схватил Эдварда за рукав. – Приведи его... ты должен его привести.

– Он уже в пути, – пообещал Эдвард, хотя отнюдь не был в этом уверен. В письме к брату Эдвард описал ситуацию, до предела сгустив краски, но все его увещевания и призывы могли возыметь действие лишь в том случае, если письмо попадет Чарлзу в руки, однако и это не гарантировало результат: брат мог оказаться в той степени опьянения, когда просто не сможет прочесть письма, а тем более понять, о чем оно. И даже если он сможет прочесть и понять написанное, не факт, что он захочет приехать.

Эдвард пожал руку герцога и, возмещая нехватку уверенности избытком надежды, сказал:

– Он непременно появится с минуты на минуту.

– Я должен сообщить ему... – пробормотал Дарем, скривившись от досады, – всем вам...

Эдвард ждал продолжения, но отец его закрыл глаза и замолчал. Лицо умирающего исказила мука. Эдвард поймал себя на том, что испытывает досаду, и тут же мысленно отчитал себя за мелочную зависть. Ему нужен Чарлз, всегда Чарлз, первенец, в то время как он, Эдвард, был тем единственным из трех сыновей герцога, на которого Дарем всегда мог положиться, на которого всегда рассчитывал.

Эдвард резко одернул себя. Не об этом надо думать, когда отец стоит на пороге вечности.

– Сообщите обо всем мне, сэр, – прошептал он, – я передам Чарли на случай, если... – «На случай, если он не прибудет вовремя». – Я позабочусь о том, чтобы он узнал все, что вы хотите сказать, как только он придет, если вы в это время будете спать.

– Да, – послышался тихий голос отца. Язык его заплетался. – Я усну. Скоро. Но не... не раньше, чем скажу Чарлзу... – Он вздохнул и затих. Он лежал так тихо, что на мгновение Эдвард подумал, что худшее уже произошло. Однако грудь герцога чуть заметно вздымалась – он был все еще жив.

В гнетущей тишине комнаты послышался отдаленный стук копыт. В тот же миг умирающий вздрогнул, приободрившись, и, приподнявшись на локтях, сел в кровати.

– Чарлз, – сдавленно прошептал Дарем. Лицо у него стало пепельно#серым. – Чарлз... Это ведь он, Эдвард?

Эдвард бросился к окну. Он заметил, как мелькнул красный китель, за мгновение до того, как визитер скрылся из виду, ступив под фронтон над главным входом.

– Это Джерард, отец.

– А, – сказал Дарем, – без сил опустившись на подушки. – Славный мальчик, Джерард. Эдвард криво усмехнулся. Отец попытался скрыть разочарование, но ему это плохо удалось. Однако Эдвард был рад уже тому, что приехал хотя бы младший брат.

– Я пойду и приведу его.

– Да, – пробормотал Дарем, – мне будет приятно его увидеть. А Чарлз... Чарлз скоро приедет?

– С минуты на минуту, – снова сказал Эдвард и выскользнул за дверь.

Ему на смену в комнату тут же вошел доктор. А Джерард уже бежал вверх по лестнице.

– Я опоздал? – с тревогой спросил он.

Эдвард покачал головой. Джерард выдохнул и провел ладонью по волосам. Темные волосы его были влажными от пота, и пыль покрывала его с головы до пят.

– Слава Богу. Я скакал весь день, едва не загнал бедного коня. – Он посмотрел на Эдварда. – Чарли здесь?

– От него ни слуху ни духу, как обычно, – пробормотал Эдвард. Они вместе шли по коридору к спальне отца. – Отец попросил его приехать еще два дня назад.

– Ну что же, кое#что никогда не меняется, – со вздохом констатировал Джерард и расстегнул несколько верхних пуговиц на кителе. – Мне бы помыться.

Эдвард кивнул:

– Все уже готово. Только, Джерард, поторопись.

Брат остановился на пороге спальни.

– Так он на самом деле умирает?

Это казалось невероятным даже Эдварду. Дарем был человеком с живым и бурным темпераментом и так же крепок телом и духом, как его сыновья. С тех пор как двадцать лет назад умерла герцогиня, дом герцога являлся оплотом чисто мужских занятий и развлечений, и никто из домочадцев не отдавался этим занятиям с таким самоотречением, как сам герцог Дарем. Эдварду было уже почти восемнадцать, когда братья смогли наконец превзойти отца в меткости, а обскакать герцога им удалось, лишь когда семейный врач настрого запретил его светлости садиться в седло после того, как в возрасте семидесяти лет он упал с лошади и повредил себе спину.

Но сейчас Дарему было восемьдесят. Он был пожилым человеком и вот уже больше полугода стремительно угасал. Джерард не видел отца все это время и потому не мог знать, как сильно тот сдал.

– Да, он совсем плох, – сказал Эдвард, отвечая на вопрос брата. – Я удивлюсь, если он переживет эту ночь.

Когда несколько минут спустя младший брат осторожно вошел в комнату умирающего, Эдвард уже вернулся туда и стоял у окна. Дарем велел ему ждать там, чтобы немедленно объявить о появлении Чарли. Интересно, думал Эдвард, что хотел он сообщить Чарли такого важного? Видит Бог, Чарли вот уже лет десять, а то и больше, нет никакого дела до отца и того, что он имеет ему сказать, и, по всей очевидности, ему и сейчас все равно. Но какие бы слова ни приберег Дарем для своего наследника, он явно придавал им какую#то особую важность, раз так настаивал на том, чтобы быть услышанным.

Скрипнула дверь, и герцог снова резко поднялся и воскликнул:

– Чарлз?

– Нет, отец, это я, Джерард. – В голосе Джерарда не было и намека на обиду. Он прошел к кровати и взял отца за руку. – Эдвард написал мне какую-то ерунду, будто ты заболел, – сказал он. – Вот я и приехал, чтобы вправить ему мозги.

– Но почему ты не привел Чарлза? – уже в агонии воскликнул герцог. – Ах, мальчики!.. Я должен сказать Чарлзу... попросить у него прощения.

Неожиданный поворот. Эдвард и Джерард переглянулись.

– Просить у него прощения, отец?

По впалой щеке герцога покатилась слеза, оставляя влажный след.

– Я всех вас должен молить о прощении. Я не знал... Если бы я только знал... Если бы я узнал вовремя... У тебя, Джерард, все будет хорошо, ты всегда умел выходить сухим из воды, и у Эдварда будет леди Луиза... Но Чарлз. Чарлз не будет знать, что делать...

– Что вы имеете в виду? – Эдвард отдал должное невозмутимому тону брата, хотя отчего-то волосы у него на затылке зашевелились.

– Эдвард... – Дарем протянул к нему дрожащую руку.

Эдвард подошел ближе, опустился на колени возле кровати и наклонился к отцу, чтобы лучше слышать слабеющий старческий голос.

– Я знаю, что ты меня простишь и разберешься, как поступить... Прости меня. Я должен был сказать раньше... До того как стало слишком поздно...

– Что рассказать, отец? Что слишком поздно? – Эдвард боролся с необъяснимым страхом.

У него за спиной Джерард свистящим шепотом попросил доктора выйти.

– Скажите Чарлзу... – хрипел герцог, – скажите ему, что мне жаль...

– Вы сами ему скажете, когда он придет, – проговорил Эдвард.

Джерард в два шага преодолел расстояние до окна, но покачал головой, выглянув на дорогу. Эдвард вновь повернулся к отцу.

– Отдыхайте, сэр.

– Отдыхать! – Дарем закашлялся. Все тело его сотрясали конвульсии. – Не знать мне покоя, пока вы не даруете мне прощения... – Голубые глаза его, обращенные к Эдварду, горели безумием.

– Я... – Эдвард запнулся. – Да. Что бы там ни было, отец, я тебя прощаю.

– Джерард! – воскликнул герцог.

– Вы знаете, что я прошу вас, сэр. – Джерард вернулся к кровати. – Но за какое прегрешение? – Даже он не был сейчас способен шутить.

– Я пытался... – герцог говорил все тише, – нотариус... расскажет... Простите.

После этого ничего связного Дарем уже не говорил. Он то впадал в беспамятство, то ненадолго вновь приходил в сознание. Так продолжалось весь день и весь вечер, и наконец глубокой ночью он перестал дышать. Эдвард в это время сидел рядом с кроватью. Джерард был с ним почти все время и ушел спать пару часов назад, валясь с ног от усталости. Доктор уснул еще раньше, и Эдвард не видел причин его будить. Дарем прожил жизнь долгую и содержательную, а последние несколько месяцев сильно страдал от боли. То, что сейчас Дарем наконец обрел покой, было высшим милосердием.

Эдвард медленно выпрямился в кресле и наклонился, чтобы взять руку отца. Она была все еще теплой. На ощупь она была такой же, как весь прошедший год, когда болезнь поселилась в теле герцога, пожирая его изнутри, иссушая его плоть. Рука его была бессильной и вялой, и таковой и останется.

– Прощай, отец, – сказал он тихо, вернув безжизненную руку на отцовскую грудь.

Нотариус герцога, мистер Пирс, прибыл на следующий день. Он вот уже двадцать лет вел дела Дарема, как отец его и дед до него. Когда экипаж нотариуса подъехал к дому, Эдвард уже ждал его в холле.

– Наверное, мне бы следовало начать с выражения соболезнования, – сказал Пирс, взглянув на висевшую на двери траурную ленту. – Я сочувствую вашей утрате, милорд.

– Спасибо. – Эдвард сдержанно поклонился.

– Его светлость отправил мне подробные указания, как всегда. Я задержался с визитом на сутки, собирая всю информацию, какую по его желанию должен вам предоставить. – Пирс сделал паузу. – Как только вы будете готовы, я в вашем распоряжении.

– Мой брат, лорд Грешем, еще не прибыл. Мы с капитаном де Лейси не хотели бы приступить к делу без него.

Пирс кивнул:

– Как пожелаете, сэр.

– У меня к вам только один вопрос, – сказал Эдвард, остановив нотариуса взмахом руки. – Перед самой кончиной отец был сильно взволнован, умолял нас простить его, но он ни за что не захотел говорить, в чем именно перед нами провинился. Он сказал, что вы все разъясните.

Пирс вздрогнул от неожиданности.

– Он не... Он вам не сказал?

– Что он нам не сказал? – Джерард спускался по лестнице, на ходу застегивая китель.

– Добро пожаловать домой, капитан. Мои глубочайшие соболезнования, – сказал, учтиво поклонившись, нотариус.

– Благодарю вас, мистер Пирс. – Джерард обернулся к Эдварду. – Тайнственное прегрешение? – Эдвард коротко кивнул, и Джерард устремил пристальный взгляд на мистера Пирса. – Вы знаете, что имел в виду Дарем? – спросил он, по своему обыкновению, без обвиняков.

Мистер Пирс переводил взгляд с одного брата на другого.

– Да, – сказал он, – думаю, что знаю. У меня имеется письмо, а также несколько других документов, полученных от его светлости, которые все объяснят, если такое вообще можно объяснить. Но я думаю, нам следует дождаться лорда Грешема, чтобы вы смогли вместе выслушать все, включая завещание вашего отца.

– Один Бог знает, когда Грешем выберется в Суссекс из Лондона, – сказал Джерард. – Мы с братом хотели бы знать сейчас.

– Да, – кивнул Эдвард, когда нотариус вопросительно на него посмотрел.

Они с Джерардом так и не смогли разгадать, что имел в виду отец, и это нервировало Джерарда не меньше его самого. За завтраком они договорились, что, поскольку Дарем взвалил эту задачу на нотариуса, скорее всего речь шла о каких-то неурядицах с наследством. Возможно, отец в своем завещании поставил какие-то обременительные условия для получения наследства или выдвинул какие-то неожиданные требования. Впрочем, во власти Дарема было свое завещание изменить, и тогда необходимость вымалывать прощение у своих сыновей отпала бы сама собой. Оба брата пребывали в полнейшей растерянности, и обоим не терпелось получить ответы на свои вопросы.

Мистер Пирс набрал в легкие воздух.

– Его светлость пожелал, чтобы вы услышали это сразу – все трое! – поскольку то, что вы услышите, касается всех вас троих.

– Мы требуем, чтобы вы сообщили нам обо всем прямо сейчас, – резко осадил нотариуса Джерард.

– Будьте любезны, – несколько вежливее добавил Эдвард, – сообщить нам сейчас, поскольку мы не желаем тянуть с этим вопросом.

– Ваш отец...

– Он мертв, – сказал Эдвард. – Насколько я понимаю, в настоящий момент вы находитесь на службе моего брата.

Все знали, что поместьем Дарем управлял Эдвард. В его ведении находилось все, включая то, какие цветы сажать в саду. Все также знали, что Чарлзу плевать на то, какой именно нотариус будет вести его дела. Если бы Эдвард решил уволить Пирса, Чарлз бы и пальцем не пошевелил, чтобы этому помешать. И кому, как не мистеру Пирсу, было знать о том, насколько выгодно вести юридические дела Дарема. Он колебался разве что пару секунд, в нерешительности переводя взгляд с Эдварда на Джерарда и обратно.

– Беда в том, – понизив голос, заговорил нотариус, – что проблему четко не определить. Корни ее уходят в далекое прошлое, а распутать этот клубок после стольких лет будет непросто.

– Что за клубок? – прорычал Джерард.

– Существует вероятность, – осторожно подбирая слова, продолжил мистер Пирс, – очень малая вероятность, хотя и эту малую вероятность нельзя игнорировать, что...

– Что? – довольно резко напомнил Пирсу Эдвард, когда нотариус снова в нерешительности замолк. Эта нерешительность нотариуса лишь усугубляла самые худшие подозрения Эдварда.

– Вероятность того, что все вы, я хочу сказать, что вы все... возможно... не сможете получить свое наследство... полностью.

– Что?

– Объясните. – Эдвард поднял руку, приказывая Джерарду помолчать. – Почему мы можем не получить свое наследство?

Мистер Пирс болезненно поморщился. Ему не нравился тон Эдварда.

– Его светлость был женат до того, как он женился на вашей покойной матери, на герцогине, – почти шепотом произнес Пирс. – Очень давно. – Пирс помолчал. – Дарем и та юная леди... оба решили, что решение вступить в брак оказалось поспешным и опрометчивым, так сказать, ошибкой молодости, и потому пути их разошлись, – последовала еще одна пауза, – но... развода не было.

Больше Пирс мог ничего не говорить. Эдвард и так понимал, что следовало из сказанного нотариусом. Он посмотрел на брата и увидел в его глазах отражение собственного ужаса. Боже святой! Если Дарем был женат... Если его первая жена была жива, когда их отец вступил во второй брак... когда он женился на их матери...

Нотариус продолжил:

– К несчастью, из недавно полученных герцогом писем явственно следует, что его первый брак не был забыт всеми, как это представлялось его светлости. В тех письмах содержится намек на то, что женщина может быть все еще жива. Его светлость потратил немало усилий и средств на то, чтобы определить ее местонахождение...

– Вы говорите, – зловещим голосом сказал Джерард, – что наш отец был двоеженцем?

На лбу мистера Пирса выступили мелкие бисеринки пота.

– Это еще не доказано.

– Но это возможно. – Джерард ткнул мистера Пирса пальцем в грудь. – И вы нам об этом не сказали!

– Мне было приказано не говорить, сэр!

– О чем эти письма? – требовательно спросил Эдвард.

Мало сказать, что эта новость потрясла его. Можно понять, почему отец предпочел скрыть этот факт от Джерарда. Он сражался с Наполеоном в Испании и вернулся оттуда всего два месяца назад, когда его полк перевели в Дувр. Эдвард мог бы даже понять, почему старик и мистер Пирс ничего не сообщили Чарли, даже если Чарли и был наследником титула. От Чарли трудно было ожидать адекватной реакции, а помощи в решении проблемы тем более. Но то, что отец не рассказал об этом ему, Эдварду, который жил с ним под одной крышей,

управлял его поместьем и каждый вечер садился с ним за стол... Ухаживал за ним до самой смерти... Если был на свете человек, которому Дарем мог смело доверить самые страшные тайны, то это он, его сын Эдвард.

Очевидно, он заблуждался.

– Я принес эти письма с собой, как распорядился его светлость... – Мистер Пирс виновато кивнул на свой разбухший от бумаг портфель. – Как я думаю, он хотел сам разрешить проблему и не пожелал тревожить никого из вас троих, милорд.

Да уж, он сильно всем удружил, с горечью подумал Эдвард.

– Мы позже на них взглянем, – произнес он, с трудом скрывая эмоции.

– Благодарю вас, милорд, – с поклоном сказал Пирс и торопливо, явно испытывая облегчение, последовал за дворецким наверх.

Эдвард направился следом за братом в гостиную. Когда Эдвард вошел, Джерард уже наливал себе бренди.

– Чертов негодяй, – пробормотал Джерард.

– Отец или нотариус? – Эдвард закрыл за собой дверь гостиной. Ни к чему будоражить любопытство слуг, они и так слышали больше, чем нужно.

– Оба. – Джерард одним махом осушил бокал и налил себе второй. Вопросительно приподняв бровь, он посмотрел на брата, однако тот покачал головой. – Но больший негодяй все же отец, как мне кажется. О чем, черт возьми, он думал?

– Понятия не имею, и я был тут, рядом с ним, все это время.

Джерард сочувственно посмотрел на Эдварда.

– Я не это имел в виду. Просто... Каким надо быть глупцом, чтобы скрывать такое?

– Глупцом, который не хочет выглядеть таковым, – сказал Эдвард. – Или старым дураком, который все еще думает, что может все и вся держать под контролем.

– Бастарды, – произнес Джерард, и Эдвард невольно поморщился. Произнесенное вслух, это слово резануло по ушам. – Мы все бастарды, если окажется, что та женщина жива. Все это... – он обвел рукой вокруг себя, словно хотел охватить этим жестом комнату, дом, поместье, – все достанется какому-то чужаку. – Он помолчал немного. – Кому все это перейдет? Я даже представить не могу.

Эдвард вздохнул. Ему даже думать об этом не хотелось. Дарем должен был отойти Чарли.

– Какому-нибудь дальнему родственнику. Возможно, нашему троюродному брату Августусу.

– Возможно, тому, кто посылал эти письма, – сказал Джерард.

– Возможно. Возможно, это она сама их и писала. Возможно, ее дети... Господи... – прошептал он, словно ему только что пришла в голову эта поразительная мысль. – Ты ведь не думаешь, что у нашего отца были другие дети?

– Вот это будет скандал! – Брат его хрипло рассмеялся. – Странно, что они до сих пор не заявили о себе во весь голос.

– Странно, что наш отец ни разу не заикнулся об их возможном существовании. – Эдвард подошел к высоким стрельчатым окнам, выходящим на роскошный сад, разбитый в соответствии с планировкой, составленной их матерью. Сад, за которым так любовно ухаживал сам Эдвард. Он чувствовал себя дома в этом саду. Ему было так хорошо и покойно там. Так было. Грудь его распирало от ярости, от обиды за то, что все это у него отнимут и отдадут другим. Он всю свою жизнь провел тут, делая все, что требовалось. Он был нужен здесь. Не станет Дарема, и кем он будет, куда пойдет? Как сможет он, глядя в глаза своей невесте, леди Луизе Холстон, сказать ей, что он больше не лорд Эдвард де Лейси, брат герцога Дарема, а всего лишь бастард, у которого за душой ничего нет? Скандал из-за двоеженства его отца будет грандиозным. Как может он требовать от Луизы не обращать внимания на сплетни? У Эдварда просто не укладывалось в голове, как мог его отец хранить в тайне тот факт, что он женился на их матери,

будучи уже женатым человеком, отдавая себе отчет в том, что эта тайна в любой момент может открыться и перевернуть жизнь всех близких ему людей. В этот момент Эдвард был почти рад тому, что его отец уже мертв, потому что, будь Дарем жив, Эдвард не удержался бы и наговорил отцу такого, за что его бы непременно отправили в ад.

Джерард подошел к брату. Опрокинув остатки бренди в рот, он сказал:

– Мы должны отыскать Чарли.

– Чтобы он нашел единственно верный путь к решению проблемы и посвятил всего себя достижению поставленной цели, – пробормотал Эдвард.

Джерард презрительно фыркнул.

– На это вряд ли стоит рассчитывать. Однако это и его проблема тоже. Ему предстоит потерять даже больше, чем тебе или мне.

– Когда это имело значение? – сказал Эдвард, но он был согласен с братом.

Разумеется, они должны сообщить Чарли, и поскольку Чарли не затруднил себя поездкой в Суссекс, даже получив известие о том, что отец умирает, ехать в Лондон, очевидно, придется им. И возможно, то, что ему предстоит узнать, побудит их старшего брата заняться чем-то более полезным, чем вечной погоней за наслаждениями. Возможно, именно по этой причине Дарем так отчаянно стремился попросить у Чарли прощения – он хорошо понимал, как сильно изменится жизнь его старшего сына, если он утратит имя, титул и состояние.

К несчастью, при всей уверенности их отца в том, что они лучше готовы к тому, что их ждет, и Джерарда и Эдварда ждала та же незавидная участь.

Поскольку если им не удастся доказать правомочность притязаний Чарли, они все – и Чарли, и Джерард, и он, Эдвард, – потеряют все.

Глава 2

Они нашли Чарли не в игорном доме и не в борделе, а в собственной спальне. Мирно спящим в постели. Разумеется, судя по числу разбросанных по полу пустых бутылок из#под вина и предметов дамского туалета, одного его застали по чистой случайности. Как бы там ни было, факт, что Чарли не пришлось нигде искать, оказался им на руку.

– Вставай, Чарли. – Джерард прошелся по комнате, раздернул шторы, при этом стараясь производить как можно больше шума.

Эдвард пытался успокоить растревоженного дворецкого и потому несколько отстал. Убедив беднягу, что его не уволят за то, что позволил побеспокоить лорда Грешема, Эдвард послал дворецкого за горячим чаем и отправился на подмогу Джерарду.

Чарли, что#то недовольно пробурчав, повернулся на другой бок.

– Уходите, – простонал он, – я болен.

– Это мы видим. – Джерард взял с шезлонга дамский чулок. – Смертельно болен, я бы сказал.

Чарли скосил глаза на чулок, затем снова их закрыл.

– Агата. Только она носит фиолетовые чулки.

– И, полагаю, эта Агата заразила тебя ospой или чем#то другим, от чего ты так страдаешь.

– У меня голова болит, чертов придурок.

Джерард презрительно фыркнул. Эдвард уничижительно посмотрел на брата. Он уже успел обнаружить стул и придвинул его к кровати.

– В твоих же интересах побыстрее поправиться, Чарли. У нас проблемы куда серьезнее, чем банальное похмелье.

– О чем ты? О да, я получил твою записку насчет отца. – Чарли вновь с усилием приоткрыл опухшие веки. – Полагаю, я уже опоздал с выражением моего почтения родителю.

– Да, ты опоздал, – сухо заметил Эдвард. – На несколько суток.

– Так я и думал. Ну, старику на том свете сейчас покойнее, чем было бы, случись ему перед смертью пообщаться со мной.

– Я так не думаю, – возразил Эдвард. – Он отчаянно хотел с тобой встретиться перед тем, как отдал Богу душу.

На мгновение лицо Чарлза стало похоже на маску, и уже далеко не в первый раз Эдвард задался вопросом о том, что не поделили старший брат и отец. Но Чарли лишь пожал плечами, и мышцы лица расслабились. Он подоткнул еще одну подушку под спину и немного приподнялся.

– Тогда, полагаю, мне следует ждать визита призрака покойного родителя. Боюсь, этот призрак станет преследовать меня до конца дней, и все из#за того, что я лишил отца удовольствия прочесть мне напоследок очередную нотацию.

– Тебе бы это не помешало, – сказал Джерард. – Нам пришлось солгать ему и сказать, что ты уже в пути.

– Никто не просил вас лгать ради меня. – Чарли бросил на брата пренебрежительный взгляд. – Еще один грех на мою душу – я разочаровал Дарема на смертном одре. Впрочем, у меня их столько, что одним грехом больше, одним – меньше. Все едино.

Джерард не верил своим ушам.

– У тебя не осталось ни капли любви к отцу?

– Как видишь, – скривив рот, ответил Чарли. – Но он мертв и предан земле, и моя любовь или мое прощение ему уже давно безразличны. Так зачем вам сейчас понадобилось поднимать меня, больного, с кровати?

– Мне ты больным не кажешься, – пробормотал Джерард.

– Прекрати! – резко сказал Эдвард.

Глаза у Чарли блестели, как бывает при лихорадке, и когда лакей принес чай, Чарли стал с жадностью его пить. Странно, подумал Эдвард. Впрочем, если в чайник был налит бренди, а не чай, это бы все объяснило. Эдвард встал и проверил, плотно ли лакей закрыл за собой дверь.

– Чарли, я бы с удовольствием оставил тебя в покое, однако сейчас у тебя нет времени болеть. Мы – все трое – стоим перед лицом очень серьезной проблемы, и время, как и то, насколько деликатно мы будем действовать и сумеем ли держать язык за зубами, решает все.

Чарли откинулся на подушки. Вид у него был усталый.

– В чем проблема? Я уверен, что не смогу ничем помочь в ее разрешении.

– Оказывается, отец кое-что от нас скрыл, – с мрачной серьезностью сообщил Эдвард, игнорируя попытку Чарли, как всегда, снять с себя всякую ответственность. – Тайный брак около шестидесяти лет назад. Пожив недолго вместе, наш отец и та женщина решили, что брак был ошибкой, и они разбежались.

– В самом деле? – Чарли улыбнулся немного саркастически. – Кто знал, что старый пес на это способен?

– Он с ней так и не развелся, – пояснил Эдвард.

Чарли молча взглянул на него, вопросительно выгнув брови.

– И он не получил подтверждения того, что та женщина мертва, – добавил Джерард.

Чарли потребовалось некоторое время, чтобы переварить информацию. Потом он закрыл глаза.

– Так и не получил?

– Так и не получил, – кивнул Эдвард. – И уж конечно, он не знал, жива она или нет, когда женился на нашей матери.

Все трое замолчали. Первым прервал молчание Чарли:

– Так в этом и заключается та самая досадная неприятность?

– Для тебя это, конечно, не проблема! – воскликнул Джерард. – Ты теряешь титул, и после этого ты называешь это «досадной неприятностью»? Ты что, сошел с ума? Ты не понимаешь, что поставлено на кон?

– Джерард!.. – осадил брата Эдвард.

Чарли по-прежнему полулежал, развалившись на подушках, одну руку закинув на лоб, но другая его рука была сжата в кулак. Эдвард не знал, что именно выражал этот жест – злился ли Чарли на отца или на Джерарда, но так или иначе времени на споры у них не было.

– Никто не знает, насколько глубоко мы все увязли. Несколько месяцев назад отец стал получать письма от анонима, который намекал на то, что его тайный брак не такая уж тайна и следует ждать еще больших неприятностей, если отец не заплатит, – сказал Эдвард.

– Отца кто-то шантажировал? Какая ирония судьбы, – пробормотал Чарли.

– Никаких доказательств нет, – резким тоном продолжил Эдвард, бросив хмурый взгляд на Джерарда, чтобы тот молчал.

Младший брат раздраженно хмыкнул и отошел к окну. Они пришли к консенсусу относительно того, что Чарли необходимо обо всем рассказать, но Джерард настаивал на том, чтобы потребовать от Чарли конкретных действий, считая, что ограничиваться разговорами не следует. Возможно, подумал Эдвард, надо было отправить Джерарда в полк, а с Чарли он бы встретился один... Впрочем, сейчас было поздно об этом думать.

Эдвард продолжил разяснять ситуацию:

– Письма приходили нерегулярно. Первое письмо пришло примерно год назад, и отец приложил немалые усилия к тому, чтобы узнать, от кого они приходят, но ему это не удалось. Он также пытался выяснить, жива ли его первая жена или мертва, но ему так и не удалось напасть на ее след. Однако эти письма продолжали приходить. Всего их было четыре. Пирс передал их нам вместе с письмом отца, в котором он подробно описал все предпринятые в

связи с этим действия. Но сейчас отец мертв, и этот человек, автор писем, или женщина, если она все еще жива, могут сделать публичное заявление. Я уверен, что ты и сам в состоянии догадаться, что за этим последует.

Чарли ответил не сразу:

– Не все наследуется в соответствии с титулом.

– Нет, поместье в Линкольншире с титулом не наследуется, оно отходит к тебе в любом случае. У каждого из нас имеется скромная сумма на жизнь, но все остальное...

– Да, – повторил Чарли, – все остальное.

– Все остальное – не так уж мало, – подал голос Джерард. Скрестив руки на груди, он стоял у окна и мрачно взирал на обоих братьев. – Титул – это первое. Законнорожденность – это второе. Мне не слишком нравится перспектива стать бастардом, тем более бастардом с содержанием всего в тысячу фунтов в год. Мы должны что-то предпринять, и чем скорее, тем лучше.

– Ты мог бы пойти и пристрелить ту женщину – и тем решить все наши проблемы.

– Чарли! – укоризненно воскликнул Эдвард, тогда как Джерард принял бойцовскую стойку, словно готов был наброситься на Чарли. – Давайте говорить серьезно. Мы можем потерять все – все, вы меня слышите?

– Конечно я тебя слышал, – пробормотал Чарли. – Но что ты предлагаешь? Что, по-твоему, мы должны делать?

– Немедленно нанять лучших юристов в Лондоне. Мы не хотим оспаривать завещание – в настоящий момент по завещанию все отходит нам, как мы и ожидали, и оспаривание приведет лишь к тому, что поместье на время судебного разбирательства окажется без хозяина. Но если будут выдвинуты претензии со стороны чужих нам людей, нам следует быть готовыми немедленно нанести контрудар.

Чарли вытянулся в кровати и уставился в потолок.

– Звучит разумно.

– По мне это звучит так, словно ты собрался вечно тянуть резину. – Джерард подошел к кровати и присел на край, не обращая внимания на недовольное шипение Чарли, прозвучавшее, когда матрас просел под весом Джерарда.

– Что нам следует делать? Допустим, мы найдем целую команду нотариусов, а дальше что? Будем делать вид, что ничего не происходит? Что, если об этом станет известно широкой публике?

– Если эта женщина не заявит о себе, никаких проблем не возникнет.

– Эта женщина, или ее дети, или шантажист, – бросил в ответ Джерард. – Ты рассуждаешь так, словно у нас вообще нет врагов. Если пойдут сплетни, от нас так или иначе живого места не останется.

– Сплетни насчет чего, Джерард? – не без издевки спросил Эдвард. – Насчет того, что, возможно, никогда не случится? То, что оставалось тайной в течение шестидесяти лет?

– Сплетни о том, что мы вот-вот все потеряем. Ты не хуже меня знаешь, что видимость разорения почти так же губительна, как и само разорение, – ответил Джерард.

– Тогда что ты предлагаешь нам делать? – поинтересовался Эдвард.

Джерард привалился спиной к кровати столбику и ударил себя кулаком по колену.

– Найти шантажиста. И все закончится.

– Как ты планируешь осуществить свою задумку? Отец потратил на поиски несколько месяцев, но так ничего и не достиг.

– Уж лучше заниматься поисками, чем сидеть и ждать, пока какой-нибудь глумливый крючкотвор не объявит тебе, какая судьба тебя ждет!

Эдвард потер переносицу, призывая себя к спокойствию. Не было смысла спорить с братом.

– Если ты думаешь, что сможешь найти шантажиста, я ни за что не стану тебе мешать, – сказал он. – Больше того: я от всей души желаю тебе удачи. Но я не могу, находясь в здравом уме, не подстраховаться, призвав на нашу сторону служителей закона. Если эта женщина или ее наследники, как ты говоришь, заявят о себе, я хочу быть к этому готовым. Нам придется оспаривать ее право считаться законной женой нашего отца, и на подготовку потребуется время, и не важно, что она не жила с ним как жена более полувека назад. Даже если ее наследники не имеют законного права на Дарем, мы все же можем потерять его, потому что поместье вместе с титулом могут отойти троюродному брату отца Августусу, если он подаст соответствующую петицию. Скажу тебе больше: даже если ты найдешь шантажиста и задушишь его голыми руками, если у него окажутся весомые доказательства того, что обвинения его небеспочвенны, и если он представит эти доказательства Августусу, нам не избежать беды.

– Не предоставит, если не дать ему шанс это сделать, – мрачно пробормотал Джерард.

Эдвард стиснул зубы и повернулся к Чарли.

– Ты что думаешь?

Чарлз пожал плечами:

– По мне так оба плана славные. Джерард отправится убивать шантажиста, а ты соберешь под ружье армию крючкотворов. Я готов подписаться под обоими проектами. Голосую обеими руками.

– А ты что планируешь предпринять?

Чарли подмигнул Джерарду и поднял чашку с чаем так, словно провозглашал тост.

– Не мешать вам, разумеется.

Джерард смотрел на него в немом изумлении. Даже Эдвард был удивлен. Чарли вел себя так, словно ему не было дела до того, является ли он очередным герцогом Даремом или бастардом с единственным поместьем в Линкольншире.

– Хорошо, – примирительно сказал Эдвард. – Пусть Джерард выслеживает шантажиста, а я займусь поисками подходящего юриста. Чарли... будет продолжать в своем духе.

– Как всегда, – пробормотал Чарли, подливая себе чаю.

Джерард поднял руку, останавливая Эдварда, который уже поднимался со стула.

– И мы должны пообещать друг другу хранить все в строжайшей тайне. В противном случае разразится скандал, равного которому не было в истории Лондона. Никому ни слова об этом неприятном деле, за исключением юриста. Да и ему можно говорить лишь самое необходимое. Согласны?

Чарли пожал плечами:

– Разумеется.

Эдвард кивнул:

– Согласен, только... Я должен сообщить Луизе.

– Луизе! – Джерард нахмурился. – А так ли это нужно?

– Как я могу это от нее утаить? – Эдвард тоже нахмурился, глядя на брата. – Она заслуживает того, чтобы знать.

Джерарда его доводы, похоже, не убедили.

– Я знаю, что она тебе дорога, но я предлагаю подумать. Тебе так или иначе придется отложить свадьбу из-за смерти отца, но необходимости говорить ей... об этом... нет.

– Джерард, она моя невеста, – ответил Эдвард. Тон у него был ледяной. – Я не могу утаивать от нее такое.

Джерард колебался с ответом.

– Может, тебе и стоит промолчать, если ты хочешь, чтобы она продолжала оставаться твоей невестой.

Эдвард замер.

– Лучше мне сделать вид, что я этого не слышал, – тихо сказал он. – Луиза – женщина понимающая и способная хранить секреты. Более того, она – женщина, которую я люблю, и она любит меня. Я и помыслить не могу о том, чтобы утаивать от нее столь ужасные обстоятельства.

Джерард побагровел.

– Хорошо, – пробормотал он. – Прошу прощения. Делай то, что считаешь нужным.

Эдвард коротко кивнул:

– Принимается.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

Наконец Джерард откашлялся и встал.

– Ну что же, хорошо, что мы пришли к согласию. Я еще раз просмотрю письма шантажиста и возьмусь за дело.

– Удачи, – с мрачной миной сказал Чарли.

Джерард пробормотал в ответ какую-то грубость.

Эдвард хмуро взглянул на старшего брата.

– Спасибо за то, что уделил нам пару минут.

Если Чарлз и уловил сарказм в его тоне, то реагировать на него не стал. Эдвард следом за Джерардом вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Я знал, что они с отцом не слишком ладили, но это уже слишком, – сказал Джерард, кипя гневом. – Думаешь, он слишком глуп, чтобы понять, что это может означать, или это такая невыносимая беспечность?

– Не знаю, но какая разница. – Эдвард был вполне солидарен с младшим братом и разделял его негодование, но сумел воздержаться от всяческих проявлений такового. – Мы будем продолжать делать то, что должно делать, как бы к этому ни относился Чарли. И я не могу поверить, что ему совершенно на все наплевать.

– Думаешь, не наплевать? Тогда что с ним такое? – Джерард говорил тихо, но резко. Они спустились в холл, и Эдвард жестом подозвал лакея, требуя принести их плащи и шляпы. – Почему мы не можем выразить даже намека на негодование?

– Потому что Чарли – это Чарли. Он такой, и ничего тут не поделаешь. Я не рассчитываю на то, что он станет что-либо предпринимать, – сказал брату Эдвард. – Честно говоря, возможно, нам будет проще, если он просто не станет нам мешать, как он и сказал.

– Пожалуй, ты прав. – Джерард взял из рук лакея плащ. – Не могу сказать, что я не испытал бы удовольствия, позволив ему хоть раз расплатиться за свои грехи. Ты можешь представить Чарли, ведущего уединенное существование в глуши Линкольншира, где нет ни скачек, ни балов?

Эдвард улыбнулся и покачал головой, дав отмашку слуге, стоявшему наготове с его плащом.

– Я скоро к тебе присоединюсь.

– Ты ведь не станешь перед ним извиняться? – воскликнул Джерард, когда Эдвард направился обратно вверх.

– За что?

– За то, что мы ему нагубили. Он неважно себя чувствует.

Эдвард едва не бежал по лестнице, сам себе удивляясь. На самом деле он не сделал ничего плохого, и извиняться перед Чарли ему было не в чем. Когда-нибудь он все же покончит с привычкой так щепетильно относиться к нарушению покоя старшего брата.

Он дважды постучал и, так и не дождавшись ответа, сам открыл дверь. И, удивленный, остановился на пороге.

Чарлз сидел на кровати, свесив одну ногу, словно собирался встать, опираясь ладонями о матрас. Но вторую ногу он держал вытянутой перед собой, и она была вся перевязана и в шинах, и между шинами и бинтами проглядывала покрасневшая опухшая плоть. Слуга Чарлза, Барнет,

стоял на коленях перед кроватью, поддерживая ногу. При появлении Эдварда он оглянулся и замер в немом ужасе.

– Черт! Тебя что, стучать не научили? – раздраженно бросил Чарлз.

Теперь Эдвард понял, что испарина на лбу у Чарли была не только лишь от головной боли. Нога его была сломана, сломана в нескольких местах. Эдвард вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

– Я прошу у тебя прощения.

Чарли опустил сломанную ногу на пол и с помощью слуги поднялся и облачился в зеленый шелковый халат.

– Думаю, тебе не следует расхаживать по дому с такой ногой, – заметил Эдвард.

Чарлз взял из рук слуги протянутую ему трость и заковывал к столу, где его ждал поднос с завтраком и свежесваренный чай. Налив себе чаю, он сделал большой глоток.

– Даже я не могу провести всю жизнь в кровати. По крайней мере находясь там в одиночестве.

– Я пришел извиниться, – сказал Эдвард. Чарли не обернулся, но плечи его напряглись, и это было заметно даже под халатом. – Джерард проявил недопустимую грубость, и я тоже был несдержан. Мы вот уже несколько дней не находим себе места из-за случившегося, а ты, как нам показалось, совершенно равнодушен к тому, о чем мы тебе сообщили.

Чарли ничего не сказал. Опираясь на трость, прижав чашку с чаем к груди, он стоял, устремив взгляд в окно. Он представлял собой унылое зрелище, словно им владела черная меланхолия, столь ему несвойственная.

Эдвард преодолел разделявшее их расстояние.

– Я не знал, что ты не в состоянии путешествовать, – сказал он.

– Черт, Эдвард, я бы все равно не поехал в Суссекс, – пробормотал Чарли. Казалось, он был зачарован тем, что видел за окном, хотя Эдвард не заметил за окном ничего необычного. – Мы все это знаем, а отец и подавно.

– Он приказал послать за тобой, – напомнил брату Эдвард. – Он очень хотел тебя видеть.

– И что он намеревался мне сказать?

Взгляд у Чарли был тяжелым и мрачным.

Эдвард колебался с ответом.

– Он хотел просить у тебя прощения, – неохотно сказал он, зная, как воспримет его слова брат. – За эту жуткую переделку, в которую ты – все мы – угодили по его вине. Он переживал за тебя.

Чарли мрачно усмехнулся:

– Неудивительно. Полагаю, он знал, что вы с Джерардом выплывете, а вот бедняга Чарлз наверняка потонет.

Эдвард ничего не ответил.

– И ты думаешь, что он был прав, – продолжал Чарли. – Ты пришел рассказать мне, какие действия собираешься предпринять, но сделал это лишь из чувства долга.

– Но признай, – сухо заметил Эдвард, – твоя реакция была странной.

– Чертов прохвост, – выругался Чарли, – как он посмел так поступить?

– Наверное, причин тому сразу несколько: стыд, старческое слабоумие и гордыня.

Отчего-то несколько запоздалый выплеск эмоций со стороны Чарлза породил у Эдварда желание защитить отца, несмотря на то что он был согласен с каждым словом старшего брата.

– Проклятая гордость Даремов, – пробормотал Чарлз.

Эдвард вздохнул.

– Он пытался извиниться.

– А теперь он оставил всех нас наслаждаться унижением и нищетой.

– Ну, он явно не этого для нас хотел. Письма в конечном итоге и свели его в могилу. И он оставил нам все, что помогло бы нам решить те проблемы, которые он так и не смог решить.

Чарли глотнул еще чаю. На этот раз Эдвард уловил аромат бренди и едва не покачал укоризненно головой. Мог бы и сам догадаться... Но возможно, на этот раз Чарльз и заслужил глоток спиртного.

– Смею ли я спросить, что произошло? – спросил Эдвард, опустив взгляд на ногу брата.

– А, ты об этом. – В глазах Чарли вновь появился привычный насмешливый блеск. – Драка – есть что вспомнить. Их было трое, настоящих громил. Я справился с двумя, но в конечном итоге мне пришлось удирать верхом. Конь с ходу перемахнул через первый забор, но вторую преграду взять не смог. И когда я лежал на земле фактически без сознания, третий разбойник догнал меня и закончил то, что начал. – Он вытянул свою травмированную ногу, рассматривая ее почти что с гордостью. – Теперь я настоящий инвалид. У меня останется ужасный шрам.

Эдвард не поверил ни слову. Он научился по глазам определять, когда Чарли врет.

– Надеюсь, драка того стоила, – сказал Эдвард, поджав губы.

Чарли ответил ему с ухмылкой:

– На все сто!

На этот раз, уходя от Чарли, Эдвард подозвал слугу, который выскользнул из комнаты следом за ним.

– Давно у него нога в таком состоянии?

– Чуть больше недели, милорд, – ответил Барнс. – Доктор считает, что она хорошо заживает.

Эдвард кивнул:

– Как все произошло?

Барнс помялся в нерешительности, но Эдвард сказал:

– Я знаю, что он сломал ногу не в драке и не упал с лошади. Я хочу знать, есть ли угроза того, что его вторую ногу ждет та же участь.

– Он оступился на лестнице, – пробормотал Барнс, виновато глядя на Эдварда. – В тот вечер он поздно вернулся домой.

Итак, не было ни ревнивца мужа, ни партнера по игре, требующего возврата карточного долга. Эдвард вздохнул с облегчением.

– Спасибо, Барнс. Пожалуйста, проследи за тем, чтобы он оставался под постоянным наблюдением врача.

– Хорошо, милорд. – Барнс поклонился и поспешил удалиться, как только Эдвард его отпустил.

Выходит, Чарли был вне игры, хотя и не из-за недостатка заинтересованности. Джерард нашел весьма элегантный способ устраниваться от дел, отправившись, вполне в духе Дон Кихота, в погоню за призрачным шантажистом. Если отец при всем своем влиянии, средствах и железной решимости так и не смог отыскать негодяя, то, с точки зрения Эдварда, у Джерарда вообще не было шансов. Он словно забыл о том, что располагал той же информацией, которая завела в тупик сыщиков, нанятых отцом. Впрочем, Эдварду было не привыкать к подобной ситуации. Если честно, то она его устраивала: Чарли прилагал слишком мало усилий к достижению цели, Джерард – слишком много. Теперь он, Эдвард, мог спокойно, ни с кем не совещаясь, заняться переговорами с юристами.

В конце концов, он привык отвечать за все и не желал для себя иной участи.

Глава 3

Франческа, леди Гордон, приехала на встречу слишком рано, что было совсем не в ее привычках.

Она, как всегда, одевалась с особым тщанием. Первое впечатление, по ее убеждению, было самым важным, и Франческа отдавала себе отчет в том, как важно с первой встречи задать верный тон. Этим утром на ней был наряд из серого шелка с черной бархатной оторочкой – весьма элегантный ансамбль, который воздавал должное цвету ее лица и волос, а также указывал на солидный статус. Возможно, этот наряд мог привести на мысль, что ее положение в обществе несколько выше, чем есть на самом деле, но в этом беды не было, а совсем наоборот. Мужчина, на которого она сегодня собиралась произвести впечатление, не был ни политиком, ни потомственным аристократом, ни светским львом. Джеймс Уиттерс был важнее любого представителя вышеперечисленных категорий – он был солиситором и при этом считался в Лондоне лучшим в своей профессии – бесстрашным, хватким, ловким и умным. По отзывам его весьма довольных клиентов, Уиттерс балансировал на самом краю законности в отстаивании их интересов, и иногда ему даже удавалось отодвинуть границы законности. Именно это Франческе и требовалось. Ей нужен был адвокат, и он, черт побери, должен был быть лучшим.

Успех на профессиональном поприще сделал Уиттерса разборчивым, и Франческе потребовалось две недели, чтобы договориться с ним о встрече. Все же прочие юристы ей не понравились – она не хотела слушать, как они станут перечислять причины, по которым ее дело провалится в суде, она и так знала, что ее дело сложное, и хотела, чтобы тот, кто будет его вести, заверил ее, что у нее есть шанс, и выиграет процесс.

Помощник Уиттерса проводил Франческу в небольшую приемную, предложил чаю, но она отказалась. Ничто не должно было отвлекать ее от предстоящего разговора. Она серьезно к нему готовилась, зная, как многое зависит от того, насколько успешным окажется этот разговор, и она просила совета у многих своих знакомых. Сэр Филипп Блейк, ее сосед, порекомендовал ей сыграть на желании профессионала доказать себе самому и окружающим, что ему по плечу самая сложная задача. Мистер Ладлоу, муж ее близкой подруги Салли, предложил сделать упор на нравственном аспекте дела, побудив служителя закона помочь тому, кто действительно нуждается в его помощи. Лорд Олконбери, давний друг, рекомендовал избегать патетики, в особенности слез. А мистер Харрингтон, неисправимый ловелас, настоятельно советовал позаботиться о том, чтобы предстать перед юристом в лучшем виде, блеснуть красотой, поскольку даже при исполнении юрист остается мужчиной. Франческа вняла советам и подготовилась к встрече, стараясь не упустить ничего.

Сейчас она сидела на краешке небольшой кушетки, повторяя про себя подготовленную речь. Другие юристы говорили ей, что ее дело весьма запутанное – словно она сама об этом не догадывалась! – но она рассчитывала на то, что Уиттерсу удастся найти ниточку, которая поможет распутать клубок. Еще одним скользким местом был гонорар. Уиттерс обладал слишком хорошей репутацией, чтобы довольствоваться скромной суммой. Франческа жила в достатке, и кое-какие деньги у нее имелись, однако перспектива обнищать в ходе этого процесса ее не слишком устраивала. Как бы там ни было, она все же решила, что ради благополучия племянницы готова пойти на финансовые жертвы. Ради того, чтобы выволить Джорджиану из цепких лап корыстной мачехи, Франческа готова была пойти на все, что угодно. Уж как-нибудь она сможет договориться с Уиттерсом так, чтобы он не обобрал ее до нитки.

Через некоторое время дверь открылась. Франческа поднялась с кушетки. Она не чувствовала ни нервозности, ни растерянности – спокойная, уверенная в себе женщина, Франческа повернулась, чтобы поздороваться с мистером Уиттерсом, который оказался моложе,

чем ей представлялось. Светловолосый, грудь колесом, он был одного с ней роста. Он встретил ее взгляд, и Франческа не заметила в этом взгляде ни высокомерия, ни намека на флирт. Он воспринимал ее всерьез! И еще в глазах его был живой ум, что еще больше расположило ее к нему. Расположило и внушило оптимизм.

После короткого обмена приветствиями Уиттерс, не теряя времени, приступил к делу.

– Мой помощник, мистер Нейпир, сообщил, что у вас весьма запутанный случай, – сказал Уиттерс, усаживаясь в кресло рядом с клиенткой. Поставив локоть на подлокотник и подавшись вперед, он пристально посмотрел на нее. – Будьте любезны разъяснить мне все с самого начала.

– Разумеется, – сказала Франческа. Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях. Она не хотела произвести на Уиттерса впечатление чересчур стеснительной особы, но и показаться ему экзальтированной, возбуждающейся по поводу и без повода, ей тоже не хотелось. – История вопроса более сложная, чем теперешняя ситуация. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что я хотела бы взять на себя попечительство над дочерью моей покойной сестры. Моя племянница Джорджиана в настоящий момент живет со своей мачехой, и я боюсь, эта женщина использует наследство Джорджианы, чтобы содержать свою собственную семью.

Вежливая суховатая улыбка сошла с лица Уиттерса даже раньше, чем Франческа успела заметить, как эта улыбка появилась.

– Полагаю, у вас есть доказательства для таких обвинений, леди Гордон?

– Таких улик, как признательные показания или квитанции, у меня нет, – осторожно сказала она, – но доказательство того, что покойный муж этой женщины, миссис Хейвуд, оставил ей весьма незначительные средства, у меня имеется. Доказательство того, что она вынуждена была продать дом, где они жили с мужем, вскоре после его смерти, – есть. Доказательство того, что ее брат, мистер Уоттс, оказывает на нее влияние, в результате которого она не позволяет мне видеться с моей племянницей с тех пор, как я предложила взять ее на воспитание к себе, – да, есть.

– Перечисленные вами факты наводят на размышления, но доказательствами не являются.

Франческа приподняла бровь – по-прежнему воплощенное спокойствие и уверенность в себе.

– Насколько я поняла, вы готовы действовать как детектив, не только как поверенный, отстаивая интересы своих клиентов.

– Я так поступал, – согласился юрист.

Франческа улыбнулась:

– Тогда я уверена, что мы договоримся.

Уиттерс некоторое время пристально смотрел на нее, задумчиво поджав губы. Затем, не вставая с кресла, подался вперед.

– Объясните в подробностях вашу семейную ситуацию. Как случилось, что ваша племянница оказалась на попечении той женщины?

Ей удалось его заинтересовать. Франческа сделала глубокий вдох, чтобы унять учащенное сердцебиение.

– Несколько лет назад моя сводная сестра Джулиана приехала навестить меня из Италии. Она выросла там с моей матерью, в то время как меня растила сестра моего отца здесь, в Англии. Моя мать, – добавила она быстро, заметив, как он слегка наморщил лоб, – Марселла Рескати, была итальянской певицей сопрано. Она вышла замуж за моего отца, когда находилась в Англии, но после его смерти вернулась в Италию, где вновь вышла замуж за отца Джулианы.

– А! – сказал Уиттерс, и лицо его приняло благодушное выражение. – Я слышал ее пение, когда несколько лет назад путешествовал по Флоренции. В «Армиде», насколько мне помнится.

Франческа улыбнулась:

– Одна из ее любимых партий!

– Итак, – быстро сказал Уиттерс, возвращаясь к теме, – у вас с сестрой были разные отцы.

Франческа кивнула:

– Да. Ее жизнь сильно отличалась от моей, но я была вполне счастлива тут, в Англии. Я вышла замуж и поселилась в Лондоне, и вскоре после нашей свадьбы сестра приехала меня навестить. Ей только что исполнилось семнадцать, и она была красива и полна жизни. В течение первого же месяца пребывания в стране она получила несколько предложений руки и сердца и, к моему удивлению, приняла предложение Джона Хейвуда.

– К вашему удивлению?

– Она совсем немного времени провела в стране, и ее английский был далек от совершенства, и, хотя мистер Хейвуд был подходящей парой, он был на несколько лет ее старше, – пояснила Франческа. – Однако Джулиана была настроена решительно и приняла предложение мистера Хейвуда. Она вышла за него замуж и годом позже родила дочь Джорджиану.

– У Хейвуда были деньги? – поинтересовался Уиттерс.

Франческа покачала головой:

– Нет, увы, нет. У него были связи, но своих средств было совсем мало. Однако отец Джулианы был очень состоятельным человеком, и у него не было других детей, и по замужеству дочери он отписал ей весьма солидное содержание. После рождения Джорджианы он изменил завещание таким образом, что все средства отходили Джорджиане, а Джулиане полагалась лишь пожизненная рента.

– Брачного контракта не было?

– Разумеется, был, но я не знаю подробностей. Подозреваю, у Джузеппе, отца Джулианы, имелись большие сомнения насчет способности мистера Хейвуда с умом распорядиться средствами. У мистера Хейвуда, знаете ли, деньги утекали сквозь пальцы. Но к счастью, Джулиана умела вести им счет, – продолжила Франческа. – Несколько лет они жили счастливо и в достатке. Джорджиана росла красивым, неизбалованным ребенком. Я была у нее крестной и часто ее навещала.

– Прекрасно, – пробормотал Уиттерс.

– К несчастью, счастливая жизнь их оказалась недолгой. – Франческе пришлось взять себя в руки, чтобы голос ее не дрожал. – Вскоре последовала целая череда смертей. Сначала – два года назад – при родах умерла Джулиана. Потом примерно в то же время неожиданно умер мой муж... Через несколько месяцев после смерти Джулианы мистер Хейвуд женился вновь на женщине по имени Эллен Уоттс. Он хотел, чтобы у Джорджианы была мать... Меня радушно принимали в их доме, и я могла навещать племянницу так часто, как только хотела.

– Эта женщина не была добра к ребенку? – спросил Уиттерс. – Проявляла жестокость?

Франческа колебалась с ответом.

– Я этого не видела, – призналась она. – Джорджиана не выглядела несчастной. По крайней мере пока был жив ее отец. Но прошлым летом ее отец погиб в аварии на дороге, и внезапно все изменилось.

– Неудивительно, принимая во внимание смерть ее отца, – веско заметил Уиттерс. – И какие распоряжения относительно дочери он оставил в своем завещании?

– Он не менял завещания со смерти моей сестры. Джулиана по-прежнему указывалась в завещании в качестве попечительницы, а брат мистера Хейвуда в качестве опекуна, но он тоже умер. Кажется, Хейвуды имеют тенденцию к преждевременным смертям. Суд тоже до сих пор не назначил никого другого. Я считаю, что если бы миссис Хейвуд досталось больше денег, она бы с радостью позволила мне забрать Джорджиану и растить ее, поскольку в то время, как мистер Хейвуд трагически погиб, она ждала ребенка. Но у мистера Хейвуда не было своих денег, только то, что он получил, женившись на моей сестре. Я знаю, что к тому времени, как

он умер, от этих денег почти ничего не осталось. И оставшаяся мизерная сумма перешла к его вдове.

– А наследство ребенка?

– Отец моей сестры умер за год до ее смерти, но он успел дать распоряжения, чтобы мистер Уильям Кендалл, нотариус из Дувра, с которым вел бизнес, управлял приданным Джорджианы. Джорджиана мистера Кендалла не интересуется, он ограничивается лишь тем, что выплачивает назначенную ей поквартальную ренту. Я уже обращалась к нему за содействием, но мне лишь сообщили, что он уехал за границу и вернется не раньше зимы.

– Я начинаю понимать ваши проблемы. – Мистер Уиттерс откинулся на спинку кресла. Лицо его приняло отстраненно-задумчивое выражение. – Он выплачивает ренту тому, кто является попечителем девочки. У мачехи своих денег совсем немного, как я понимаю? Ей, возможно, помогают родственники?

Франческа покачала головой, и Уиттерс улыбнулся. И от этой улыбки надежды ее воспарили к небесам.

– Мздоимство... – процедил юрист. – Мачеха живет с девочкой примерно год?

– Да. Сейчас уже почти полтора года.

– Понятно. А вы виделись с малышкой в течение этого времени?

Франческа кивнула.

– С ней плохо обращались? Она выглядела несчастной? Иные признаки недостаточной заботы? – Он стрелял в нее вопросами, не дожидаясь ответа.

– Смерть отца разбила ей сердце.

Франческа осторожно подбирала слова. Она не хотела направить юриста по ложному следу и заставить его усомниться в том, что ей можно доверять, но ей также не хотелось, чтобы он счел ее озабоченность напрасной.

– Джорджиана действительно просила меня забрать ее из дому, который так сильно напоминал ей о ее родителях. Тогда я предложила мачехе взять племянницу к себе на воспитание, поскольку мы с ней родственницы по крови, но миссис Хейвуд отказала мне, объяснив свое решение тем, что она привязалась к Джорджиане. Я согласилась, впрочем, неохотно, но у меня такое чувство, что за последние месяцы дела у моей племянницы идут все хуже и хуже. Миссис Хейвуд родила близнецов через три месяца после смерти мужа, и это сильно осложнило жизнь ей и всем домочадцам. И сейчас... Я не знаю, сэр. Мне не позволяют видеться с Джорджианой уже несколько месяцев.

Уиттерс посмотрел на Франческу пронизывающим взглядом.

– Она вам запретила?

– У нас произошла размолвка. Мы поссорились. Я намекнула, что она не способна должным образом заботиться о Джорджиане, поскольку у нее на руках двое младенцев, и вновь попросила, чтобы мне разрешили ее забрать. Однако ее брат выставил меня за дверь, угрожая вызвать караульного, если я не уйду по своей воле.

– Ее брат?

– Мистер Персеваль Уоттс переехал к ним жить после смерти мистера Хейвуда. Я считаю, что он – главная движущая сила. Именно он стоит за желанием Эллен оставить Джорджиану у себя. Он уж точно не помогает им финансово.

Франческа старалась сохранить нейтральный тон, чтобы не обнаружить своего истинного отношения к Персевалю Уоттсу, которого она ненавидела и презирала.

Уиттерс кивнул. Сложив ладони лодочкой, он подпер ими подбородок и несколько минут молчал, погружившись в размышления.

– Леди Гордон, – сказал он внезапно, – я считаю, что ваше дело можно выиграть. Мы должны получить доказательство отсутствия у мачехи необходимых средств для надлежащей заботы о вашей племяннице и доказательства ее ненадлежащего ухода за девочкой. Вы должны

представить доказательства своего участия в жизни ребенка. Это может быть все, что демонстрировало бы ваше регулярное присутствие в их доме по благословию родителей девочки. Это будет нелегко, но, на мой взгляд, возможно.

– И вы возьметесь вести дело? – Франческа едва могла дышать. Такой важный шаг...

Мистер Уиттерс встал и протянул ей руку. Она тоже встала и ответила на рукопожатие.

– Да, мадам, я склоняюсь к тому, чтобы взяться за него.

– Спасибо! – с жаром произнесла Франческа. – Спасибо вам, сэр.

– Прошу меня извинить, но мне надо свериться с некоторыми документами, освежить в памяти кое-какие законы и судебные прецеденты перед тем, как мы продолжим разговор. Не хотите ли чаю?

Она покачала головой:

– Нет, спасибо.

Уиттерс вежливо кивнул и вышел. Дрожа всем телом, Франческа опустилась на кушетку. Она не получила конкретного ответа, но он явно дал ей понять, что дело небезнадёжно, и склонялся к тому, чтобы за него взяться. Это означало, что он верил в победу. Она может выиграть!

Ожидание затянулось. Через несколько минут Франческа встала и принялась ходить по комнате. Скорее бы Уиттерс вернулся! Кажется, в соседнем помещении что-то происходило – она слышала чьи-то быстрые шаги, словно какие-то люди входили и выходили, приглушенные голоса. Все это продолжалось так долго, что Франческе стало любопытно. Она подошла к двери и чуть-чуть ее приоткрыла.

Мистер Нейпир стоял в другом конце кабинета спиной к ней и быстро записывал что-то под диктовку Уиттерса, который держал в руке открытую книгу. Время от времени Нейпир поднимал палец, чтобы задать уточняющий вопрос. Другой клерк пролистывал папку с документами, вытаскивая из нее листы. Сердце Франчески радостно забило при виде такой активности. Она не могла разобрать, что именно говорил мистер Уиттерс или его помощники, но вид у Уиттерса был словно у генерала на поле сражения, отдающего приказы войскам. Он излучал уверенность и решимость. Франческа осторожно прикрыла дверь – ей не хотелось, чтобы ее уличили в подглядывании или подслушивании, – и вернулась на свое место на кушетке, довольная тем, как развивались события.

Прошло не меньше четверти часа до того, как дверь снова открылась. Подняв глаза, она увидела мистера Нейпира.

– Прошу прощения, мадам, – сказал он. – Мистера Уиттерса вызвали по срочному делу. Он попросил меня передать вам, что не может взяться за ваше дело.

– Что? – воскликнула Франческа в полной растерянности. – Но... Мы только что поговорили, и он меня обнадежил. Может, мне зайти завтра? Я могу подождать пару дней...

Клерк облизнул губы.

– Мистер Уиттерс просит его простить, но он не сможет вести никаких новых дел в ближайшее время. – Франческа, онемев, уставилась на него, и Нейпир счел нужным добавить: – Он вынужден рекомендовать вам поискать другого советника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.